

« О подвигах, о доблести, о славе....»

Уважаемые читатели Интернет сайта !

Мы предлагаем вам исследование боевой биографии ветерана Великой отечественной войны Елизарова Михаила Григорьевича, написанное Дмитрием Вейном учителем истории, аспирантом кафедры Отечественной истории Алтайской государственной педагогической академии.

УМИРАТЬ НЕ БОЯЛСЯ

Это было первое интервью, и, идя на встречу с Михаилом Григорьевичем, я, конечно, волновался и не знал, с чего лучше начать беседу, о чем и как спрашивать. Мне было известно, что предстоит разговор с настоящим фронтовым офицером, кавалером ордена Боевого Красного Знамени. Что он был трижды ранен, и последнее ранение оставило его инвалидом на всю жизнь - в октябре 1943, в тяжелейшем бою за очередную высоту, лейтенант Елизаров потерял ногу. В моем представлении он выглядел суровым и немногословным человеком, много пережившим, и потому резким в суждениях. Но, переступив, порог дома ветерана, я

попал в такую открытую, дружескую атмосферу, что все сомнения исчезли, и разговор потек плавно и непринужденно.

- Михаил Григорьевич, Вы вели на фронте дневники?

- Я когда на фронт ехал, уверен был, что меня убьют. Поэтому не до дневников было - говорит ветеран. - Но умирать не боялся. На войне не до страха. Или ты его, или он тебя. Третьего не дано...

Елизаров — типичный представитель фронтового поколения первых лет войны - курсант, только-только получивший петлицы младшего лейтенанта, и почти сразу попавший в горнило боев. Начало войны он встретил в Свердловске, где в то время располагалось Черкасское пехотное училище. Его, в числе других курсантов досрочного выпуска ЧПУ, направили под Москву. Прибыв на фронт, младший лейтенант Елизаров принял командование взводом. Это было в ноябре 1941 года...

- Стояла зима, - вспоминает Михаил

Григорьевич. - Никаких укрытий не было, так я с солдатами выкапывал ямки в снегу, а прикрытия создавали из трупов убитых солдат, накрывали их брезентом.

Вскоре после прибытия на передовую, рота, в составе которой был и взвод Елизарова, получила боевую задачу. Но первое соприкосновение с противником закончилось неудачей.

- Помните свой первый бой?

- Помню. Такое не забывается. Это было в тот же день, когда мы прибыли на передовую. Вечером командир роты, лейтенант, дал приказ: взять два ДОТа, которые находились впереди наших позиций. Дождались темноты, и по сигналу взвод двинулся вперед. Ползком ползли по снегу. Атаковали первый дот. Там было всего три немца с пулеметом МГ. Они не ждали атаки и сдались в плен. Командир роты со старшиной остались в доте, а остальные под моей командой поползли ко второму. Там нас уже заметили и открыли огонь. И, неожиданно, нам в спину застучал первый дот. Атака сорвалась...

6 декабря 1941 года началось контрнаступление Красной Армии под Москвой. Принял в нем участие и Михаил Григорьевич.

- Потери были большими, но не особенно, — говорит он. - Немцы на нашем участке бежали так, что мы их не могли догнать. Бывало, шли день, два, три, и все не могли догнать немцев.

Наступление на Юго-Западном участке, - а именно здесь двигалась дивизия, в которой служил Елизаров - действительно было стремительным и успешным. Здесь, в одном из боев, 19-летний парень впервые убил немецкого солдата.

- Я вот сейчас вспомнил первого убитого мной немца, - рассказывает Михаил Григорьевич. — В одной из атак, когда мы преследовали отступавших немцев, один немец отстал от своих, и бежал медленно. А я молодой, только что из училища, курсант, догнал его, и выстрелил из винтовки. Он упал в снег. Я подбежал к нему, увидел его вблизи, и мне тут так жалко его стало! Очень жалко...

В декабре младший лейтенант Елизаров принял командование ротой. Наступление продолжалось.

- Часто в хронике показывают много брошенной немецкой техники вдоль дорог. На вашем участке также было?

- Дорога такая была, - вспоминает Елизаров, - день наши шли, и все немецкая брошенная техника: грузовики «Фиат», легковые машины «Опель-адмирал», «Опель-кадет», «Опель-капитан». Захватывали даже такие, какие еще работали. Вот подойдешь к нему, - никого нет, а мотор работает.

Однако не все проходило так гладко. Здесь же, под Москвой, во время одной из атак, его роту накрыл залп «катюш». Немцы уже отошли со своих позиций, и огонь пришелся по нашим частям, слишком быстро продвинувшимся вперед. Трагическая случайность унесла жизни 15 солдат в роте Елизарова и 125 - в соседней...

Вскоре батальон, в составе которого служил Михаил Григорьевич, получил задачу перерезать Варшавское шоссе, чтобы окружить отступавшего противника. Марш-броском через лес батальон вышел к шоссе и занял позиции по обеим сторонам. Ждать пришлось недолго. Вскоре послышался звук мотора, и в конце

дороги показался немецкий бронетранспортер. Он направлялся к мосту через небольшую речушку, которая текла рядом. Но саперы заранее заложили взрывчатку под сваи. Когда машина приблизилась к мосту, заряд привели в действие. Бронетранспортер на полном ходу вошел в речку и ударился о противоположный берег. В плен захватили двух солдат, сидевших в кабине, оглохших и ничего не соображавших от потрясения и испуга. Один из них оказался русским, перешедшим на сторону врага летом 1941 года.

- Что стало с пленными?

- Командир батальона приказал русского расстрелять, а немца связали и оставили лежать в снегу. Вроде мы хотели забрать его позже, а что с ним стало, не помню.

Прошло немного времени и на шоссе показалось два немецких танка. Время от времени они останавливались и стреляли наугад. Елизаров с политруком батальона подползли поближе к обочине и приготовили бутылки с зажигательной смесью и гранаты.

- Я рассчитал их мертвую зону, - рассказывает Михаил Григорьевич, - и решил подпустить поближе и забросать их бутылками. Танки приближались, и я до сих пор помню, как дрожала земля от их хода...

Когда танки были уже совсем близко, Елизаров вдруг заметил, что политрука нет рядом. Обернувшись, он увидел, что тот отползает назад.

- Куда?! - закричал Елизаров. - Стой! Назад! Но политрук не слышал и продолжал быстро ползти к лесу. Один из танков на ходу развернул башню, и немецкий пулеметчик открыл огонь. Политрук погиб.

- Меня они не заметили, - продолжает ветеран, - потому что я находился в мертвой зоне. Когда танк поравнялся со мной, я метнул бутылку с зажигательной смесью, и он вспыхнул. А там его уже солдаты забросали гранатами, а потом и второй уничтожили.

В ходе боев в батальоне из 250 человек осталось не более 25. Михаил Григорьевич был ранен в руку и до весны 1942-го лежал в госпитале.

ПРОРЫВ УДАРНОГО БАТАЛЬОНА

Весной лейтенант Елизаров вернулся в свою часть. Она занимала примерно тот же участок, что и до его ранения зимой. Здесь его вновь назначили командиром роты. После окончания Московской битвы на фронте наступило временное затишье. Но ненадолго.

Некоторое время спустя на позиции прибыл ударный батальон. Командир батальона запомнился Елизарову густой щетиной и пронизывающим взглядом черных глаз.

- Кто здесь командир роты? - спросил он.

- Я, - ответил Елизаров.

- Вы поступаете в мое распоряжение. - Комбат стремительным шагом прошел в шалаш, устроенный специально для офицеров. Здесь он объяснил, что перед его батальоном поставлена задача: овладеть высотой Зайцева Гора, которую не могли взять еще с зимы. Никакой артиллерийской поддержки командование не обещало. Кругом - болотистая местность. Огневая система немцев не разведана. Учитывая эти обстоятельства, комбат сказал

- Командир дивизии приказал начать атаку в 8 утра. Но мы начнем, когда

наступит вечер.

- Но как же приказ? - возразил Елизаров.

- Если будем следовать приказу - положим здесь весь батальон, - жестко ответил офицер. - Я не собираюсь рисковать своими людьми. Атаку начнем вечером...

- Я тогда согласился, - вспоминает Михаил Григорьевич. - А он мне говорит: «Подожди, нам еще нужно выиграть бой здесь». Так и сказал. Я потом понял, что это значит.

Утром, когда нужно было идти на штурм, зазвонил полевой телефон. Комбат снял трубку. Елизаров не слышал, что говорили на том конце провода, но по его лицу и ответам понял, что звонили из штаба дивизии, и что разговор был напряженный. Комбат объяснял, что не может рисковать батальоном, и поэтому принял решение перенести атаку на вечер.

- Там, видно, не соглашались, - вспоминает Михаил Григорьевич, - и он положил трубку. Прошло немного времени - опять звонит телефон. На этот раз - командир дивизии. Комбат снова повторил свои слова и положил трубку. И вот, где-то после полудня, появились у нас два офицера из особого отдела, оба в новеньких белых полушубках...

Особисты прошли в шалаш.

- Почему вы сидите, когда перед вами старший по званию? - грозно спросил один из них комбата.

- Я не обязан вставать, поскольку не знаю, в каком вы звании, - ответил тот.

Под полушубками особистов действительно знаков различия не было видно:

- Я - майор. Почему не атакуете?

Комбат повторил ему то, что говорил по телефону. Особисты начали требовать немедленно начинать атаку высоты, потом стали угрожать военным трибуналом за невыполнение приказа.

- Мой батальон и я не находимся в вашем подчинении! - резко ответил комбат. - И вообще, идите-ка вы лучше отсюда. Видите, здесь стреляют, могут убить. Я за вашу жизнь не могу взять ответственность.

Смерив недобрый взглядом офицера, особисты ушли. Этот «бой» был выигран. Теперь предстояло выиграть настоящий.

Наступил вечер. Погода, казалось, благоприятствовала: шел дождь со снегом. По сигналу они выбрались из окопов и бесшумно поползли к высоте. Ползти трудно - земля изрыта воронками, усеяна телами убитых. Пятьдесят метров, сто, двести... Все ближе и ближе. Темноту нарушали редкие одиночные выстрелы. Вот уже доносятся обрывки фраз на чужом языке. Слышны звуки - на высоте шла своя жизнь. Стало ясно, что немцы атаки не ожидали. Ночную тишину сквозь шелест дождя прорезал свисток комбата: «Пошли!». И весь батальон, встав в полный рост, быстро преодолел последние метры и ворвался в траншеи противника. Бой был короткий и жестокий. Почти весь немецкий гарнизон был уничтожен. Расчет комбата на внезапность полностью оправдался: высоту захватили с небольшими потерями.

- Скоро восстановили связь, - рассказывает Михаил Григорьевич, - и комбат сообщил в штаб командиру дивизии, что высоту взяли. Тот обрадовался: «Как

взяли?! Да ты же молодец! Да я тебя расцелую!» А тот ему говорит: «Подождите радоваться. Немцы так просто нас не оставят. Наутро я ожидаю атаку, поэтому мне нужен отряд саперов, чтобы заминировать подходы, и хотя бы несколько противотанковых пушек». Командир дивизии обещал помочь. И ведь комбат был прав. Наутро действительно началась танковая атака...

Пушек они так и не дождались, но на высоту прибыли саперы, и под огнем начали минировать подступы к ней. Вскоре появились немецкие танки. Остановившись в трехстах метрах, они начали методически обстреливать позиции батальона. Двое солдат с гранатами, посланные комбатом уничтожить танки, погибли. Больше он людей не посылал. Когда совсем рассвело, над высотой появился немецкий штурмовик «Юнкерс-87». Включив сирену, он со страшным воем начал пикировать и бомбить наши позиции. Начался ад. Грохот взрывов, вой пикировщика, крики раненых - все смешалось. Так продолжалось несколько часов подряд. Саперы бросили минирование и отступили, среди солдат началась паника. И только теперь в наступление пошла немецкая пехота. Батальон, уже изрядно потрепанный, не выдержал огня и отступил. Больше высоту не атаквали. После боя Елизаров узнал, что дивизионное начальство составило документы на представление его и командира батальона к званию Героя Советского Союза. Но когда высоту оставили, документы отозвали обратно.

«РАЗРЕШИТЕ ИСКУПИТЬ ВИНУ КРОВЬЮ!»

А дальше были бои под Сталинградом. Дивизия выдвинулась на участок фронта, недалеко от станции Котлубань. Здесь, в течение нескольких недель лейтенант Елизаров участвовал в тяжелейших боях. Что запомнилось? Запомнилось, что почва была глинистой в этих местах, из-за этого было тяжело рыть окопы - глина налипала на лопаты. Запомнился овраг перед их позициями, который скоро наполнился трупами наших и немецких солдат, и в память на всю жизнь врезался нетерпимый смрад, стоявший в августовской жаре и пыли. И - постоянный, нескончаемый гул со стороны Сталинграда, который находился всего в 23 километрах от них.

- Я помню, видел, как моему товарищу по училищу пуля попала в висок, пробив при этом каску, - рассказывает Михаил Григорьевич.

- Пуля торчит наполовину из головы, а он только лежит и рот открывает, как рыба. Если бы она скользом прошла, то не пробила бы каску, а то попала прямо в область, которая прикрывает висок.

Жизнь солдата и офицера на передовой недолгая - несколько дней, максимум - недель до ранения (или гибели). И лейтенант Елизаров не стал исключением - пуля вошла в правую грудь и вышла из спины. На самолете тяжело раненого офицера эвакуировали в госпиталь.

Весна 1943 года. Сталинградская битва закончилась, советские войска освободили Ржев и Краснодар, прорвали блокаду Ленинграда. Весна принесла надежду на окончательный перелом в войне. В это время лейтенант Елизаров направлялся из госпиталя на фронт, и искал свою часть. В пути зашел в прифронтовой штаб, чтобы уточнить месторасположения своей дивизии. Он и не предполагал, что здесь его судьба круто изменится.

- Там офицерик был с какой-то женщиной, она наверно, при штабе была, - вспоминает Михаил Григорьевич. - Я им, видно, помешал. Спросил у него, не

знает ли, где находится такая-то дивизия. Он начал смотреть мои бумаги. В это время зашел еще один офицер, полковник, кажется. Он спросил, что я здесь делаю. Объясняю ему, что после госпиталя, и ищу свою часть. Тут он обращается к тому офицеру: «Не понимаю, чего вы так долго ищите. Вот перед вами боевой офицер, его и назначайте». Я не понял тогда, в чем заключалось это назначение. Только потом узнал, что меня назначили командиром штрафной роты...

Штрафники. Это слово тогда заставляло втянуть голову в плечи и быть осторожным в словах и действиях. Потому что попасть в штрафную часть - это почти всегда означало погибнуть, или, в лучшем случае, получить тяжелое ранение, поскольку штрафные роты и батальоны направляли на наиболее опасные участки фронта. Штрафные части были созданы, как известно, согласно приказу № 227, изданному 28 июля 1942 года. Данный приказ, вошедший в историю под названием «Ни шагу назад!», предписывал «формировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной». Командирами штрафных рот назначали кадровых офицеров Красной Армии. Одним из таких офицеров был и Михаил Григорьевич Елизаров.

Хотя по приказу № 227 штрафные роты должны были формироваться из провинившихся солдат и сержантов, большой процент в них составляли уголовные преступники. В своих просьбах, направляемых зачастую лично Сталину, они так и писали: «Мы преступники, но патриоты. Разрешите искупить свою вину кровью». Рота Елизарова не стала исключением - почти полностью она состояла из уголовников. Боевому офицеру предстояло окунуться совсем в другую атмосферу, и по-новому выстраивать отношения с подчиненными.

- Когда я прибыл в расположение роты, увидел, что у многих даже обуви не было, - вспоминает Михаил Григорьевич - Я немедленно потребовал, чтобы людей одели, как полагается, иначе я не буду принимать роту. Требование мое выполнили. Стал приглядываться к своим подчиненным и понял, что здесь сохранились все лагерные порядки, были здесь свои «паханы». Я заметил, кому подчиняются штрафники и этих «паханов» назначил взводными.

Укомплектовавшись оружием и обмундированием, рота направилась на передовую. Двигаться приходилось только по ночам - в светлое время суток большую опасность представляла немецкая авиация. Поэтому днем личный состав останавливался в лесу или в близлежащей деревне. И понятно, что солдаты, - бывшие преступники, - не всегда соблюдали законность.

- Здесь в одной из деревень произошел интересный случай, - смеясь, вспоминает Михаил Григорьевич. - Кто-то из солдат украл у одной женщины сало и мясо. Приходит она ко мне с двумя детьми и говорит, что у нее муж на фронте, она одна с детьми, и это сало - последнее из еды, что у нее осталось. Вызываю взводных и приказываю построить роту. Рота выстроилась в саду, чтобы немцы с воздуха не заметили. Я привел женщину с детьми и сказал: «Кто-то из вас украл у нее последнее, что было. Если через сорок минут не вернете, я за последствия не отвечаю! Разойдись!». Не знаю, почему я сказал именно через

сорок минут. И вот минут через двадцать прибегает один из взводных и говорит: «Командир, наши готовы вернуть сало, но хотят знать, что им за это будет». Я говорю: «Даю слово офицера, никаких последствий не будет». Прошло еще двадцать минут. Взводный приносит сверток: «Вот сало. Никто отсюда не взял ни кусочка». «Хорошо, - говорю, - но ты все-таки скажи, кто украл сало?». «Ну-у, - говорит, - командир, мы так не договаривались». Я отпустил его, а сало вернул женщине...

По украинской земле они двигались к передовой. И здесь Михаил Григорьевич увидел плоды национальной политики немцев, стремившихся внести рознь между народами СССР. Если на территории России немцы, по его словам, «жгли все подряд, одни трубы печные оставались», то на Украине он наблюдал другую картину:

- Надо сказать, что Украину немцы разрушали меньше, чем Россию. Если в России жгли все подряд, то на Украине они сохранили даже колхозы. Я бывал в добротных украинских деревнях, и здесь у местного населения сохранился домашний скот и птица. В одной деревне староста дал мне гусей для роты под расписку, это чтобы потом после войны государство с ним рассчиталось.

Бои на территории Украины тоже остались в памяти ветерана на всю жизнь. Довелось даже увидеть Жукова:

- Мы как раз помогли одной части атаковать немцев, и роту перебросили на другой участок, - рассказывает Михаил Григорьевич. - И вот во время перехода останавливает нас какой-то офицер. «Здесь сейчас Жуков проедет, у тебя как, люди надежные?» Я говорю: «Если бы ты не сказал, что Жуков проедет, мы бы и не знали об этом. Конечно, надежные». Скоро мимо нас проехал «виллис». На переднем сидении, рядом с шофером, сидел Жуков. На нем была фуражка такого защитного цвета, сверху на нем была плащ-палатка. Сзади сидели два автоматчика.

Рота лейтенанта Елизарова участвовала в освобождении Криворожья и Приднепровья. Надо сказать, что его штрафники были вооружены не хуже обычных армейских частей. В большинстве своем, они имели трофейные немецкие пистолеты-пулеметы MP-40, что остальным солдатам, как правило, запрещалось:

- ППШ были хорошими, - говорит Михаил Григорьевич, - но у них был один недочет, который не учли при конструировании. В диск автомата помещалась пружина, которая доставляла патроны в патронник. Так вот, эта пружина была слабой, и в ответственный момент автомат мог заглохнуть. Поэтому у нас в роте в основном были немецкие автоматы. Очень удобно было стрелять из них - напихаешь за голенище сапога магазины и можно быстро перезарядить автомат во время боя. У меня самого был немецкий автомат, и парабеллум еще.

На всю жизнь врезался в память эпизод, о котором фронтовик рассказывал с дрожью в голосе. Во время одной из атак его роте выделили в поддержку три танка Т-34. В ходе боя один из них был сразу же подбит, второй доехал до немецких окопов, а третий в атаке не участвовал. Его командир - совсем еще молодой офицер, лет девятнадцати, - испугался и спрятал свой танк в ложине, заглушив мотор. После боя, когда выяснилось, что командир танка отказался идти

в бой, весь экипаж был приговорен к расстрелу. Такие экзекуции, как правило, совершались перед строем солдат, для острастки остальных. И на этот раз приговор был приведен в исполнение перед строем:

- Помню, командир танка два раза падал на колени, — рассказывает ветеран, - полз к солдатам, и при этом у него даже не крик, а стон души такой был: «Братцы, простите!». Командир комендантского взвода ему командует: «Встать! Шагом марш!». И он возвращался к могиле. И третий раз, когда он шел к могиле, его расстреляли в спину...

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

«Знаете, что значит попасть в штрафную роту? Шансы выжить здесь равнялись нулю» - эта фраза бывшего лейтенанта-окопника наиболее ярко отражает ту степень опасности, которой подвергались он и его подчиненные на фронте. И величина того шанса выжить далеко не всегда зависела от его командирских качеств и воинского мастерства. Роты выполняла сложнейшие боевые задачи там, где не могли их выполнить другие, вследствие больших, неоправданных потерь. Так было и на этот раз, когда Елизарову было приказано взять высоту Прииск Ленинский. Это было в октябре 1943 года, когда войска Красной Армии, форсировав Днепр, вышли к Криворожскому железорудному бассейну, но с ходу не смогли им овладеть. Немцы ожесточенно сопротивлялись, стремясь удержать этот район, богатый стратегическим сырьем.

Высота «Прииск Ленинский» уже неоднократно штурмовалась подразделениями 55-й дивизии, но безуспешно. К моменту, когда на этот участок прибыли штрафники Елизарова, из 15 тысяч человек личного состава в дивизии осталось только 120 с тремя пулеметами. Этой горсткой командовал капитан. Был уже вечер, когда штрафная рота прибыла на передовую.

- Командир дивизии приказал начать атаку в 8 утра, взять высоту в 10 утра - рассказывает Михаил Григорьевич. - Вы представляете себе? За 2 часа я должен был взять с одной ротой высоту, а до этого ее дивизия не могла взять.

Повторялась та же история, что и весной 1942 года. Понимая, что атаковать высоту утром, когда они видны как на ладони, а каждый квадратный метр местности пристрелян немцами, бессмысленно, лейтенант Елизаров решил перенести время штурма на вечер, когда наступят сумерки. В 8 утра, увидев, что штрафники не переходят в атаку, командир 55-й дивизии потребовал выполнить поставленную задачу.

- Я говорю, что не могу атаковать, пока не разведу обстановку, не нащупаю огневые точки, — вспоминает Михаил Григорьевич. — Приехали два особиста, угрожали трибуналом. Но я настоял на своем. Особисты уехали. Вскоре звонят из контрразведки, которой мы напрямую подчинялись: «Что там у вас за инцидент с особистами?». Я снова объяснил ситуацию. Они меня выслушали и разрешили разведать огневые точки и начать атаку вечером.

Конечно, в данной ситуации Елизаров рисковал собственной жизнью. Его могли без разговоров предать военно-полевому суду и расстрелять за невыполнение приказа. Но ему повезло. Он получил возможность подготовиться к атаке, и шанс выжить немного увеличился. Капитан, командовавший остатками 55-й дивизии, был немало удивлен такой смелостью и настырностью молодого лейтенанта:

- Чего ты о своих штрафниках беспокоишься, они же уголовники? - спросил он.

- Для вас они, может, и уголовники, а для меня они, прежде всего, люди, - решительно ответил Елизаров.

Наступил вечер. Пошел дождь со снегом. Немцы, привыкшие, что русские атакуют днем, вели себя спокойно, и, по всей видимости, не ожидали штурма в такую промозглую погоду, да еще в темное время суток. Лейтенант Елизаров обошел своих, проверяя готовность солдат к бою.

- Только на ножах! Ни единого выстрела! - предупреждал он каждого. - Если кто-то откроет огонь - расстреляю на месте!

Это были жесткие, но оправданные меры. Лейтенант рассчитывал на внезапность: это был единственный их козырь в предстоящем бою. Шанс победить. Шанс выжить.

Капитан предложил поддержать их пулеметами, но Елизаров отказался.

- По сигналу вышли из окопов, - вспоминает он, - и поползли по кукурузному полю к высоте. Немцы не думали, что мы в такую ночь будем атаковать. Они в это время ужинали, и я до сих пор помню этот запах макарон с тушенкой, которые они ели.

Это был их последний ужин. В полной тишине штрафники порезали человек 300 немцев. Без единого выстрела высота была взята. Рота потеряла одного убитым и семерых ранеными. Когда связь восстановили, и Елизаров доложил командиву об успехе, тот не поверил.

- Что ты мне городишь! - выругался он со злостью в трубку. - Не может этого быть!

- Даю слово офицера, высота наша! Дайте нам противотанковых пушек, иначе мы ее не удержим.

Подкрепления они так и не дождались. Утром немцы перешли в контратаку. Пять дней и ночей штрафники отбивали яростные атаки врага, неся потери, без поддержки, с ограниченным запасом патронов. Лейтенант Елизаров был тяжело ранен в ногу и потерял сознание. Долгожданное подкрепление пришло лишь на пятые сутки.

- Когда меня выносили в тыл, в роте оставалось 25 человек, - не больше. Потом, уже в медсанбате, я узнал, что в живых кроме меня осталось 6 человек. Их всех наградили орденом Красной Звезды...

Елизаров пришел в себя только в госпитале. Ногу ему ампутировали. Лишь много позже, после войны, он узнал, что за этот бой его представили к званию Героя Советского Союза. Но, когда «наверху» узнали, что на звание претендует командир штрафной роты, представление отклонили. Четверть века спустя после войны награда за последний бой все-таки нашла героя. В 1967 году, когда Михаил Григорьевич занимал пост председателя одного из совхозов Тульской области, на заседании обкома партии ему вручили орден Боевого Красного Знамени - высший советский знак боевого отличия.

ОН ВЫЖИЛ И ВЕРНУЛСЯ

Тяжелораненых отправили глубоко в тыл, в Киргизию. Война осталась позади. После сложной операции лейтенант Елизаров продолжительное время лечился в госпитале. Что значит для парня, которому едва исполнился 21 год,

остаться без ноги? Для многих это было равнозначно бездеятельности. Но бывший лейтенант-окопник сдаваться не собирался. Он поступил в сельхозинститут. А затем.... А затем был нелегкий трудовой путь от младшего агронома, до директора одного из передовых хозяйств Тульской области - совхоза «Яснополянский». К ордену Боевого Красного Знамени добавились высокие трудовые награды - ордена Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени.

Все эти годы война не оставляла его. Не оставляла воспоминаниями, которые свежи до сих пор. Некоторые эпизоды запомнились до мельчайших подробностей. Как тот запах макарон с тушенкой. Или случай с ворованным салом. Кстати, этот эпизод неожиданно напомнил о себе спустя четверть века после войны.

- Иду как-то по улице, — рассказывает Михаил Григорьевич - Это во Фрунзе было. Вдруг, слышу: «Товарищ лейтенант! Товарищ лейтенант!» Что такое? Смотрю, через улицу бежит ко мне немолодой мужчина. «Товарищ лейтенант, не узнали меня?». Я его естественно, не узнаю. А он мне: «Я с вами в одной роте служил. Помните, сало ворованное? Так это я его украл». Обнялись. Слезы, радость. Он тоже в том бою за высоту выжил...

Я слушал рассказ фронтовика, и чем больше узнавал о Елизарове, тем значительней становился его образ. Передо мной сидел настоящий лейтенант-окопник, прошедший войну в самые тяжелые её месяцы и годы. Говорил Михаил Григорьевич неторопливо и негромко, но в глазах и жестах чувствовалось, что все эти события не забыты, они до сих пор с ним, в его памяти. Сколько таких, как он, 19-20-летних лейтенантов, командиров взводов и рот, не вернулось из атак, погибло на своей последней высоте. Но он выжил и вернулся. И сегодня, благодаря ему, появилась возможность прочесть еще одну страницу Книги Памяти народа.